

Слепой

1

Князь выехал рано среди гридней^[1] своих
В сыр-бор полеванья^[2] изведать;
Гонял он и вепрей, и туров гнедых,
Но время доспело, звон рога утих,
Пора отдыхать и обедать.

2

В логу они свежем под дубом сидят
И брашна примаются рушать,^[3]
И князь говорит: «Мне отрадно звучат
Ковши и братины, но песню бы рад
Я в зелени этой послушать!»

3

И отрок озвался: «За речкою там
Убогий мне песенник ведом;
Он слеп, но горазд ударять по струнам»;
И князь говорит: «Отыщи его нам,
Пусть тешит он нас за обедом!»

4

Ловцы отдохнули, братины допив,
Сидеть им без дела не любо,
Поехали дале, про песню забыв,—
Гуслиар между тем на княжой на призыв
Бредёт ко знакомому дубу.

5

Он щупает посохом корни дерев,
Плетётся один чрез дубраву,
Но в сердце звучит вдохновенный напев,
И дум благодатных уж зреет посев,
Слагается песня на славу.

6

Пришёл он на место: лишь дятел стучит,
Лишь в листьях стрекочет сорока —
Но в сторону ту, где, не видя, он мнит,
Что с гриднями князь в ожиданье сидит,
Старик поклонился глубоко:

7

«Хвала тебе, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вам!
Начать песнопенье готов я стою —

О чём же я, старый и бедный, спою
Пред сонмищем сим величавым?

8

Что в вешем сказалося сердце моём,
То выразить речью возьмусь ли?»
Пождал — и, не слыша ни слова кругом,
Садится на кочку, поросшую мхом,
Персты возлагает на гусли.

9

И струн переливы в лесу потекли,
И песня в глуши зазвучала...
Все мира явленья вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цветных камней начала,

10

Что в недрах подземия блеск свой таят,
И чудища в море глубоком,
И в тёмном бору заколдованный клад,
И витязей бой, и сверканье лат —
Всё видит духовным он оком.

11

И подвиги славит минувших он дней,
И всё, что достойно, венчает:
И доблесть народов, и правду князей —
И милость могучих он в песне своей
На малых людей призывает.

12

Привет полонённому шлёт он рабу,
Укор градоимцам^[41] суровым,
Насилье ж над слабым, с гордыней на лбу,
К позорному он пригвождает столбу
Грозящим пророческим словом.

13

Обильно растёт его мысли зерно,
Как в поле ячмень золотистый;
Проснулось, что в сердце дремало давно —
Что было от лет и от скорбей темно,
Воскресло прекрасно и чисто.

14

И лик озарён его тем же огнём,
Как в годы борьбы и надежды,
Явилась власть на челе поднятом,
И кажутся царской хламидой на нём
Лохмотья раздранной одежды.

15

Не пелось ему ещё так никогда,
В таком расцветанье богатом
Ещё не сплеталась дум череда —
Но вот уж вечерняя в небе звезда
Зажглася над алым закатом.

16

К исходу торжественный клонится лад,
И к небу незрящие взоры
Возвёл он, и, духом могучим объят,
Он песнь завершил — под перстами звучат
Последние струн переборы.

17

Но мёртвою он тишиной окружён,
Безмолвье пустынного лога
Порой прерывает лишь горлицы стон,
Да слышны сквозь гуслей смолкающий звон
Призывы далёкого рога.

18

На диво ему, что собранье молчит,
Поник головою он думной —
И вот закачались ветви ракии,
И тихо дубрава ему говорит:
«Ты гой еси, дед неразумный!

19

Сидишь одинок ты, обманутый дед,
На месте ты пел опустелом!
Допиты братины, окончен обед,
Под дубом души человеческой нет,
Разъехались гости за делом!

20

Они средь моей, средь зелёной красы
Порскают,^[5] свой лов продолжая;
Ты слышишь, как, в след утыкая носы,
По зверю вдали заливаются псы,
Как трубит охота княжая!

21

Ко сбору ты, старый, прийти опоздал,
Ждать некогда было боярам,
Ты песней награды себе не стяжал,
Ничьих за неё не услышишь похвал,
Трудился, убогий, ты даром!»

22

«Ты гой еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдаётся, ты правду сказала!

Я пел одинок, но тужить и роптать
Мне, старому, было б грешно и нестать —
Наград моё сердце не ждало!
23

Воистину, если б очей моих ночь
Безлюдья от них и не скрыла,
Я песни б не мог и тогда перемочь,
Не мог от себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило!
24

Пусть по следу псы, заливаясь, бегут,
Пусть ловлею князь доволен!
Убогому петь не тяжёлый был труд,
А песня ему не в хвалу и не в суд,
Зане он над нею не волен!
25

Она, как река в половодье, сильна,
Как росная ночь, благотворна,
Тепла, как душистая в мае весна,
Как солнце приветна, как буря грозна,
Как лютая смерть необорна!
26

Охваченный ею не может молчать,
Он раб ему чуждого духа,
Вожглась ему в грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей он должен вещать,
Что слышит подвластное ухо!
27

Не ведает горный источник, когда
Потоком он в степи стремится,
И бьёт и кипит его, пенясь, вода,
Придут ли к нему пастухи и стада
Струями его освежиться!
28

Я мнил: эти гусли для князя звучат,
Но песня, по мере как пелась,
Невидимо свой расширяла охват,
И вольный лился без различия лад
Для всех, кому слушать хотелось!
29

И кто меня слушал, привет мой тому!
Земле-государыне слава!
Ручью, что ко слову журчал моему!
Вам, звёздам, мерцавшим сквозь синюю тьму!
Тебе, мать сырая дубрава!

И тем, кто не слушал, мой также привет!
Дай Бог полевать им не даром!
Дай князю без горя прожить много лет,
Простому народу без нужды и бед,
Без скорби великим боярам!»

<Январь 1873>

Примечания

1. ↑ *Гридни* и *отроки* — в Древней Руси члены младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя.
2. ↑ *Полевань* — охота.
3. ↑ *Рушати* — делить, разрезать.
4. ↑ *Градоимцы* — осаждающие и берущие города и крепости.
5. ↑ *Порскати* — на псовой охоте понукать криком, натравливать гончих на зверя.

